Влияние культурно-исторических традиций на современный политический процесс Японии

Повалюхина Анастасия Николаевна,
старший преподаватель, кафедра межкультурных коммуникаций и переводоведения, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Владивостокский государственный университет»
E-mail: Anastasia.Povaliukhina@vvsu.ru

Предметом исследования является современный политический процесс в Японии в первой четверти XXI века, рассматриваемый через призму устойчивых культурных и исторических традиций. Исследование посвящено влиянию самурайского этоса, как исторически укоренившейся нормативной системы, на современные политические институты, практику руководства и модели управления.
Научная новизна исследования заключается в систематическом синтезе культурологических и институционалистских подходов для объяснения устойчивости и трансформации самурайского этоса в современном политическом процессе Японии. Результаты показывают, что такие элементы, как дисциплина, иерархическая лояльность и этическое лидерство, укоренившиеся в самурайских традициях, продолжают формировать бюрократическое управление, сплоченность элиты и стратегии управления кризисами, хотя и в переосмысленных и контекстно-зависимых формах.

Ключевые слова: Японский политический процесс, самурайский дух, политическая культура, исторический институционализм, поведение элиты, бюрократическое управление, политическое лидерство, институциональная преемственность, культурное наследие в политике и адаптивный культурный институционализм.

Сохранение характерных моделей политического поведения в Японии – в частности, иерархической организации, сплоченности элиты и принятия решений на основе консенсуса – представляет собой значительную аналитическую загадку в сравнительной политологии. Несмотря на глубокие институциональные преобразования, которые происходили в Японии с середины XIX века, в том числе Реставрация Мэйдзи, мобилизация в военное время, послевоенная демократизация и интеграция в глобальную политическую экономику, элементы преемственности в политической культуре остаются очень значительными.

Эти элементы преемственности проявляются в неизменном доминировании бюрократической власти, структурированной иерархии политических партий и преобладании неформальных практик достижения консенсуса, таких как «немаваси».

Основная цель данного исследования – проанализировать, в какой степени культурные и исторические традиции продолжают влиять на структуру и функционирование современного политического процесса в Японии в первой четверти XXI века.

Концепция «самурайского этоса» (бусидо) является предметом аналитических споров в литературе, и её определение в значительной степени зависит от принятой историографической и теоретической позиции. С критической историко-институционалистской точки зрения – наиболее известной благодаря Олегу Бенешу – «самурайский этос» следует понимать не как непрерывный и последовательный средневековый моральный кодекс, а как современную идеологическую конструкцию, ретроспективно систематизированную в конце XIX и начале XX веков. Бусидо было кодифицировано в период Мэйдзи как часть более широкого проекта национального строительства, избирательно опираясь на более ранние воинские практики и переосмысливая их для достижения целей современного государства [1, с. 4–7].

Исходя из этой позиции, мы можем определить самурайский этос как исторически обусловленный и идеологически сконструированный набор нормативных принципов, основанных на верности, иерархической обязанности, самодисциплине и моральной праведности, сформулированных и институционализированных в современной Японии посредством избирательного переосмысления досовременных воинских традиций и впоследствии внедренных в политический и социальный дискурс как легитимирующая основа для власти и коллективного порядка.

В исследовании мы используем междисциплинарный подход, сочетающий исторический институционализм и сравнительный политический анализ для изучения сохранения и трансформации нормативных элементов, связанных с самурайским этосом, в рамках политического процесса Японии.

В качестве эмпирической основы мы используем первичные источники, а именно правительственные документы, программные документы и данные выборов. Вторичные источники – рецензируемые журнальные статьи, монографии и сборники статей по японской политике. А также данные авторитетных учреждений, таких как Министерство внутренних дел и коммуникаций Японии, и международных организаций.

Анализ влияния самураев на современные японские политические процессы невозможен без теоретической основы, способной учитывать как культурную преемственность, так и институциональное воспроизводство. Габриэль Алмонд и Сидни Верба определяют политическую культуру как «модель ориентаций по отношению к политическим объектам среди членов нации» [2, с. 12]. Японская социальная организация отдает приоритет вертикальным, а не горизонтальным связям, что приводит к сильному акценту на лояльности и зависимости внутри иерархически структурированных групп. В рамках этой концепции самурайский этос выступает в качестве нормативного шаблона, влияющего на политическое поведение. Ценности, связанные с бусидо, – включая верность (тю), долг (гири), честь (мэйё) и самодисциплину, – тесно связаны с иерархическими и общинными ориентациями, выявленными в более широкой литературе о японской политической культуре. Самурайские нормы были не просто военными кодексами, а более широкой этической системой, которая укоренилась в элитном образовании и государственном управлении в период Токугава.

Самурайские ценности сохранялись не как явная идеология, а как глубоко институционализированные нормы, регулирующие деятель-

ность элиты. Эта интерпретация подтверждается современными административными документами: государственных служащих ожидается проявление беспристрастности, честности и преданности общественным обязанностям, в то время как Национальный кодекс этики государственной службы подчеркивает подотчетность и этичное поведение при исполнении служебных обязанностей [3, с. 45–49]. Хотя эти принципы сформулированы в рамках современной демократической системы, они укрепляют модели дисциплинированной службы и институциональной лояльности, которые параллельны более ранним самурайским административным идеалам. Более того, отчеты, издаваемые Министерством внутренних дел и коммуникаций, неизменно определяют профессионализм, организационную ответственность и общественное доверие как основополагающие принципы японского государственного управления [4, с. 12–18].

В то время как теория политической культуры освещает нормативные основы политического поведения, исторический институционализм предоставляет концептуальные инструменты для объяснения того, как такие нормы сохраняются в течение длительных периодов политических изменений. Институты – это не просто формальные правила, а «распределение власти и модели поведения», формируемые историческими траекториями и усиливающими механизмами обратной связи [5, с. 8–12]. Этот подход особенно актуален для Японии, где крупные политические реформы – такие как Реставрация Мэйдзи и послевоенная оккупация – трансформировали формальные структуры, оставив при этом в значительной степени нетронутыми лежащие в их основе культурные и организационные логики.

Самурайская элита сыграла центральную роль в формировании современного японского государства, перейдя на руководящие должности в бюрократическом и военном аппарате в начале периода Мэйдзи. Упразднение самурайского сословия не устранило его культурный авторитет; вместо этого самурайские нормы были внедрены в формирующиеся институты современного управления [6, с. 213–215]. С точки зрения историко-институционального подхода, этот процесс можно понимать как форму культурной зависимости от предшествующего пути развития, при которой досовременные ценности влияют на траекторию институционального развития, формируя ожидания элиты, модели найма и административные нормы. Эта динамика согласуется с аргументом Теды Скокпол о том, что государства демонстрируют долгосрочную преемственность, коренящуюся в существовавших ранее социальных и организационных структурах. [7, с. 30–34]. В случае Японии такая преемственность включает в себя иерархический бюрократический порядок, морализированное понимание государственной службы и устойчивое ожидание ответственности элиты за коллективное благополучие.

Культурная зависимость от предшествующего пути развития предлагает третий аналитический подход, фокусирующийся на механизмах, посредством которых традиционные нормы сохраняются в поведении современных политических деятелей. Ранние культурные или институциональные решения создают «самоподкрепляющиеся процессы», которые формируют будущее поведение и ограничивают возможности для альтернативных путей развития [8, с. 511–515]. Применение этого подхода к японскому контексту подчеркивает важность социализации элиты, образовательных практик и набора на государственную службу в передаче ценностей, заимствованных у самураев, из поколения в поколение.

Самурайская этика усвоилась благодаря дисциплинированным культурным практикам – таким как боевые искусства, конфуцианское учение и клановые кодексы поведения, – которые подчеркивали лояльность, саморегуляцию и морализацию власти [9, с. 132–138].

Поведение политической элиты в современной Японии также отражает эти культурные преемственности: политическая ответственность в Японии часто имеет ярко выраженный этический аспект, выходящий за рамки формальных правовых требований. [10].

Класс самураев сформировался в период между поздним периодом Хэйан и ранним Камакура как региональная военная элита, ответственная за поддержание порядка и управление имениями от имени аристократических землевладельцев. Ранняя власть самураев основывалась не только на воинском мастерстве, но и на их роли административных посредников между имперским центром и провинциями [11, с. 55–58]. Эта двойная функция заложила основу для политического порядка, возглавляемого воинами, в котором управление и военная служба были тесно переплетены.

Период Токугава (1603–1868) стал решающим моментом в культурном и политическом формировании самурайского этоса. Сёгунат превратил самураев из класса воинов в бюрократически-административную элиту, произошло формальное внедрение неоконфуцианских моральных принципов – в частности, иерархической обязанности, социальной гармонии и морализированной власти – в господствующую идеологию государства [12, с. 143–147]. Политика умиротворения режима Токугава породила уникальную форму «почетного индивидуализма», в которой личное поведение стало маркером политической легитимности [9, с. 167–170].

Социально-политическое значение бусидо заключается не только в его исторической точности, но и в его современной функции как легитимирующего дискурса. Современное проявление бусидо сформировало общественное понимание лидерства, долга, самопожертвования и служения. Политическая элита, педагоги и военные чиновники используют эту риторику для укрепления сплоченности и моральной дисциплины.

Даже в демократическом контексте политическое лидерство в Японии часто рассматривается в моральном контексте, апеллируя к идеалам дисциплины, ответственности и служения. Эта преемственность отражает то, что Эндрю Гордон называет как «культурное закрепление» самурайских ценностей в современных политических и социальных институтах Японии [13, с. 89–91].

Реставрация Мэйдзи 1868 года ознаменовала радикальную трансформацию политического и социального порядка Японии, свергнув сёгунат Токугава и положив начало программе быстрой модернизации и государственного строительства. Несмотря на это, этика, нормы поведения и административные возможности, связанные с бывшей воинской элитой, были глубоко интегрированы в институциональные основы современного японского государства. Самурайские ценности трансформировались из классовых норм в национальные политические принципы. Этот процесс происходил посредством четырех основных механизмов:

1. Набор элиты: бывшие самураи занимали должности в раннем правительстве Мэйдзи и внедряли свои ценности в административную структуру государства.

2. Институциональное проектирование: бюрократическая и образовательная системы формализовали нормы иерархии, дисциплины и долга.

3. Идеологическое конструирование: государство переосмыслило самурайскую этику для создания национального морального нарратива.

4. Политическая практика: поведение элиты воспроизводило заимствованные у самураев модели иерархической координации и личных обязательств.

Несмотря на драматический политический раскол 1945 года и всеобъемлющие институциональные реформы, проведенные в период американской оккупации, элементы самурайского духа оставались укорененными в японской политической культуре на протяжении всего послевоенного периода.

Одним из наиболее значимых элементов послевоенной преемственности является японская бюрократия, которая сохранила свою довоенную репутацию технической компетентности, дисциплины и иерархической сплоченности. От бюрократов ожидалось воплощение добродетелей усердия (кинбен), честности (сейдзюцу) и самообладания (дзико ёкусэй), что отражало более ранние идеалы самурайской самодисциплины. Система административного руководства (гёсэй сидо) является примером этого этического принципа. Эта форма неформального регулирования отражает стиль управления, который ставит во главу угла убеждение, моральный авторитет и сотрудничество в соблюдении правил – качества, которые долгое время ассоциировались с администрацией, возглавляемой самураями, а не с конфронтационным, юридическим принуждением [14, с. 98–102].

Послевоенная политическая элита, особенно внутри Либерально-демократической партии Японии (ЛДПЯ), также демонстрировала модели поведения, которые можно проследить до более ранних самурайских традиций. Лояльность, фракционность и иерархическая координация оставались центральными чертами политического руководства. Фракционные структуры ЛДПЯ – хабацу – отражают досовременные системы связей между господином и вассалом и элитные сети эпохи Мэйдзи. Внутри фракций младшие члены поддерживают старших лидеров в обмен на защиту и продвижение по службе, что напоминает отношения в формате господин-вассал, характерные для эпохи Токугава. Аналогично, предпочтение консенсуса (немаваси) и закулисных консультаций отражает политическую культуру, которая ставит гармонию (ва) и иерархию выше открытой конфронтации.

Данные опросов общественного мнения, проведенных Кабинетом министров, предоставляют эмпирическое подтверждение этому наблюдению. В опросах, касающихся политического лидерства и общественного доверия, респонденты неизменно называют искренность (сейдзюцу), ответственность (секинин) и честность одними из наиболее желательных качеств политических лидеров [15, с. 22–27]. Оцен-

ка политической легитимности по-прежнему в значительной степени опирается на моральные критерии, подкрепляя аргументы о сохранении этических ожиданий, укоренившихся в более ранних традициях лидерства и государственной службы

Таким образом, послевоенная эпоха иллюстрирует «рефункционализацию» ценностей, заимствованных из самурайской культуры – традиционные нормы были адаптированы к новым институциональным структурам, породив гибридные политические практики, сочетающие демократические структуры с давними культурными ожиданиями. Эти ценности – дисциплина, иерархическое сотрудничество, лояльность, моральная ответственность и консенсус – формируют политическое поведение элиты, бюрократическое управление, общественные ожидания и более широкую политическую культуру современной Японии. Эта устойчивость позволяет сделать нам ключевой теоретический вывод: политическая культура демонстрирует долгосрочную преемственность даже в условиях институциональных изменений.

В современной Японии культура лидерства продолжает отражать элементы самурайского идеала. От политических лидеров ожидается проявление личной честности, моральной порядочности и преданности общественному благу – качеств, перекликающихся с акцентом бусидо на чести, верности и долге. Эти ожидания создают политическую среду, в которой легитимность лидеров частично определяется их приверженностью моральным нормам, а не исключительно успехом на выборах или официальным положением [16, с. 91–94].

Период правления премьер-министра Синдзо Абэ служит ярким примером. Аналитики отмечают, что Абэ делал акцент на дисциплинированном руководстве, долгосрочном стратегическом видении и культивировании лояльности внутри своей партии и бюрократического аппарата – моделях поведения, напоминающих иерархическую координацию и морализированную власть, ассоциирующиеся с самурайской традицией.

Эмпирические исследования также поднимают вопросы относительно последовательности и масштабов влияния самураев. Опросы бюрократической этики, поведения элиты и общественного мнения выявляют существенные различия в приоритетах иерархической лояльности, моральной ответственности и долга в разных секторах, поколениях и региональных контекстах [17, с. 70–74].

Анализ показывает, что элементы, исторически связанные с самурайским этосом, – в частности, иерархия, дисциплина, лояльность и коллективная ориентация, – продолжают формировать политический процесс в Японии. Однако это влияние не является ни прямым, ни однородным; скорее, оно действует через институциональное посредничество, воспроизводство элиты и культурно укоренившиеся ожидания, создавая модели поведения, которые демонстрируют как преемственность, так и адаптацию. Таким образом, полученные результаты подтверждают историко-институционалистскую интерпретацию политической культуры, в которой нормативное наследие сохраняется посредством процессов институционального наслоения и переосмысления, а не простой передачи.

Первый ключевой вывод касается сохранения иерархических и коллективистских норм в политической практике. Как в историческом, так и в современном контексте японские политические институты демонстрируют сильный акцент на структурированной власти и групповой сплоченности, что соответствует моделям, выявленным в более ранних культурных анализах.

В современном управлении эти нормы наблюдаются в иерархической организации политических партий, в частности, в доминировании продвижения по службе на основе стажа внутри Либерально-демократической партии (ЛДПЯ). В распространенности процессов принятия решений, ориентированных на консенсус, в частности, «немаваши», которые отдают приоритет неформальным консультациям и избеганию конфликтов. А также в ожидании лояльности к лидерам фракций и институциональным руководителям, формирующим как внутрипартийную динамику, так и бюрократическое поведение.

Второй вывод касается сохраняющейся роли бюрократии как центрального участника политического процесса в Японии. Бюрократические институты демонстрируют модели поведения, характеризующиеся: дисциплиной и процедурной строгостью; сильной внутренней иерархией и долгосрочной организационной лояльностью. В современном контексте набор элиты посредством конкурсных экзаменов и продвижения по службе усиливает эти модели. Однако сохранение иерархического уважения и организационной лояльности предполагает, что бюрократическое поведение нельзя полностью свести к одним лишь меритократическим механизмам. Вместо этого оно отражает гибридную модель, в которой современная административная рациональность встроена в культурно обусловленные ожидания долга и служения.

Результаты исследования также подчеркивают сохраняющуюся важность морализированного понимания лидерства в японской политике. Политических лидеров часто оценивают не только по результатам политики, но и по таким воспринимаемым качествам, как честность, дисциплина и приверженность общественному благополучию. Стиль руководства Синдзо Абэ иллюстрирует эту динамику. Хотя правление Абэ было отмечено стратегическими политическими инициативами и институциональными маневрами, общественные и элитные оценки часто подчеркивали его способность воплощать чувство национального долга и преемственности. Это отражает более широкую модель, в которой легитимность лидерства частично основана на нормативных ожиданиях поведения, перекликающихся с элементами, традиционно ассоциируемыми с самурайскими идеалами чести и ответственности.

Ключевой вывод исследования заключается в том, что влияние самурайского этоса сохраняется скорее в результате институциональной адаптации, чем прямой преемственности.

Это проявляется в сосуществовании формальных демократических процедур с неформальными практиками достижения консенсуса; сохранении элитных сетей и фракционных структур в рамках конкурентной партийной системы; интеграции бюрократической власти в номинально плюралистическую политическую структуру.

Такие закономерности подтверждают аргумент о том, что политическая культура выступает в качестве опосредующей переменной, формируя функционирование институтов на практике, но не определяя результаты детерминированным образом.

Литература

1. Бенеш, О. (2014). Inventing the way of the samurai: Nationalism, internationalism, and Bushidō in modern Japan. (с. 4–7; 9–15; 144–147) Издательство Оксфордского университета.
2. Алмонд, Г. А., и Верба, С. (1963). The civic culture: Political attitudes and democracy in five nations. (с. 12) Издательство Принстонского университета.
3. Национальное управление по кадрам, Ежегодный отчет об управлении кадрами государственной службы (Токио: Национальное управление по кадрам, последнее издание), 45–49. https://www.jinji.go.jp/eng.html
4. Министерство внутренних дел и коммуникаций, Белая книга по местному государственному управлению в Японии (Токио: MIC, последнее издание), 12–18. https://www.soumu.go.jp/english/
5. Штейнмо, С., Телен, К., и Лонгстрет, Ф. (ред.). (1992). Structuring politics: Historical institutionalism in comparative analysis. (с. 8–12) Издательство Кембриджского университета.
6. Равина, М. (2004). The last samurai: The life and battles of Saigo Takamori. (с. 213–215) Уайли.
7. Скокпол, Т. (1979), Государства и социальные революции. (с. 30–34) Издательство Кембриджского университета.
8. Махони, Дж. (2000). Path dependence in historical sociology. Теория и общество, 29(4), (с. 511–515) https://doi.org/10.1023/A:1007113830879
9. Икегами, Э. (1995). The taming of the samurai: Honorific individualism and the making of modern Japan. (с. 103–108;132–138; 167–170) Издательство Гарвардского университета.
10. Ямагучи Д «日本官僚制とコロナ危機: 日本モデルと無責任体制をめぐって» [Японская бюрократия и кризис COVID: о японской модели и системе безответственности]. 年報 公共政策学 (Анналы, Исследования государственной политики) 16 (2022): 63–78. Доступно через HUSCAP, репозиторий Университета Хоккайдо.) https://hdl.handle.net/2115/84840
11. Фрайдей, К. Ф. (2004). Samurai, warfare and the state in early medieval Japan. (с. 55–58) Рутледж.
12. Оомс, Х. (1985). Tokugawa ideology: Early constructs, 1570–1680. (с. 143–147) Издательство Принстонского университета.
13. Гордон, А. (2003). A modern history of Japan From Tokugawa times to the present. (с.89–91, 218) Оксфорд, Великобритания: Издательство оксфордского университета. https://doi.org/10.1093/oso/9780195110609.001.0001
14. Хейли, Дж. О. (1991). Authority without power: Law and the Japanese paradox. (Pp. 98–102) Издательство Оксфордского университета.
15. Кабинет министров правительства Японии, Опрос общественного мнения по политическим вопросам (Seiji ni Kansuru Yoron Chōsa), последнее доступное издание, стр. 22–27. https://survey.gov-online.go.jp/
16. Рид, С. Р. (2003). Japanese electoral politics: Creating a new party system. (с. 91–94) Рутледж.
17. Иногути, Т. (2000). Japan's political culture. В кн.: Г.Д. Эллисон (ред.), Правительство и политика Японии. (с. 70–74) Рутледж.

THE INFLUENCE OF CULTURAL AND HISTORICAL TRADITIONS ON THE MODERN POLITICAL PROCESS OF JAPAN

Povaliukhina A.N.
Vladivostok State University

The subject of this study is contemporary political processes in Japan in the first quarter of the 21st century, examined through the lens of enduring cultural and historical traditions. The research examines the influence of the samurai ethos, as a historically ingrained normative system, on contemporary political institutions, leadership practices, and governance models.
The research's novelty lies in its systematic synthesis of cultural and institutionalist approaches to explain the persistence and transformation of the samurai ethos in contemporary Japanese politics. The results show that elements such as discipline, hierarchical loyalty, and ethical leadership, rooted in samurai traditions, continue to shape bureaucratic governance, elite cohesion, and crisis management strategies, albeit in reinterpreted and context-dependent forms.

Keywords: Japanese political process, samurai spirit, political culture, historical institutionalism, elite behavior, bureaucratic governance, political leadership, institutional continuity, cultural heritage in politics, and adaptive cultural institutionalism.

References

1. Benesch, O. (2014). Inventing the way of the samurai: Nationalism, internationalism, and Bushidō in modern Japan. (pp.9–15; 144–147) Oxford University Press.
2. Almond, G. A., & Verba, S. (1963). The civic culture: Political attitudes and democracy in five nations. (p. 12) Princeton University Press.
3. National Personnel Authority, Annual Report on Public Service Personnel Administration (Tokyo: National Personnel Authority, latest edition), 45–49. https://www.jinji.go.jp/eng.html
4. Ministry of Internal Affairs and Communications, White Paper on Local Public Administration in Japan (Tokyo: MIC)
5. Steinmo, S., Thelen, K., & Longstreth, F. (Eds.). (1992). Structuring politics: Historical institutionalism in comparative analysis. (pp.8–12) Cambridge University Press.
6. Ravina, M. (2004). The last samurai: The life and battles of Saigō Takamori. (pp.213–215) Wiley.
7. Skocpol, T. (1979), States and Social Revolutions. (Pp. 30–34) Cambridge University Press.
8. Mahoney, J. (2000). Path dependence in historical sociology. Theory and Society, 29(4). (pp.511–515) https://doi.org/10.1023/A:1007113830879
9. Ikegami, E. (1995). The taming of the samurai: Honorific individualism and the making of modern Japan. (pp.103–108; 132–138; 167–170) Harvard University Press.
10. Yamaguchi, Jirō (山口二郎). «日本官僚制とコロナ危機: 日本モデルと無責任体制をめぐって» [Japanese Bureaucracy and the COVID Crisis: Concerning the Japanese Model and the System of Irresponsibility]. 年報 公共政策学 (Annals, Public Policy Studies) 16 (2022): 63–78. Accessed via HUSCAP, Hokkaido University Repository. https://hdl.handle.net/2115/84840
11. Friday, K. F. (2004). Samurai, warfare and the state in early medieval Japan. (pp.55–58) Routledge.
12. Ooms, H. (1985). Tokugawa ideology: Early constructs, 1570–1680. (pp.143–147) Princeton University Press.
13. Gordon, A. (2003). A modern history of Japan: From Tokugawa times to the present. (pp.89–91; 218) Oxford, UK: Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oso/9780195110609.001.0001
14. Haley, J. O. (1991). Authority without power: Law and the Japanese paradox. (Pp. 98–102) Oxford University Press.
15. Cabinet Office, Government of Japan, Public Opinion Survey on Politics (Seiji ni Kansuru Yoron Chōsa), latest available edition, 22–27. https://survey.gov-online.go.jp/
16. Reed, S. R. (2003). Japanese electoral politics: Creating a new party system. (Pp. 91–94) Routledge.
17. Inoguchi, T. (2000). Japan's political culture. In: G.D. Ellison (ed.), Government and Politics in Japan. (Pp. 70–74) Routledge.